

ДЖЕЙН
ДРЕЙКОТТ

ФУЛЬВИЯ

ЖЕНЩИНА,
БРОСИВШАЯ ВЫЗОВ
ДРЕВНЕМУ РИМУ

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Д73

Jane Draycott

FULVIA

A Thoroughly Rapacious Female

Опубликовано с согласия PEW Literary Agency Limited
и Литературного агентства Синописис

Перевод с английского Кирилла Медведева

Научный редактор: Мария Семиколенных, кандидат культурологии

Дрейкотт Дж.

Д73 Фульвия : Женщина, бросившая вызов Древнему Риму / Джейн Дрейкотт ; пер. с англ. К. Медведева. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 336 с. : ил.

ISBN 978-5-389-27482-2

Амбициозная, безжалостная, непредсказуемая. Фульвия была первой римлянкой, чей облик оказался отражен в монетах, и женщиной, ради которой Марк Антоний развязал войну. В своей новаторской биографии выдающийся историк и археолог Джейн Дрейкотт очищает образ Фульвии от двух тысячелетий мизогинии и пропаганды, созданных ее современниками и подхваченных последующими авторами.

В эпоху, когда от римских матрон требовали лишь скромности, соответствия социальным ролям и безропотного подчинения, Фульвия осмелилась действовать как военачальник и трибун. Ее жизнь — это головокружительная и трагическая драма на фоне агонии Римской республики. Пока могущественные мужчины делили мир предательствами и кровью, эта женщина держала в страхе Сенат и вела отчаянную битву за будущее своей семьи. За подобную дерзость она заплатила ненавистью врагов.

Пережив гибель двух первых мужей и кровавый хаос гражданских войн, Фульвия стала полноправным игроком на римской политической арене. Она защищала своих детей, занималась государственными делами и не боялась бросать вызов патриархальному обществу. На основе обширного круга источников Джейн Дрейкотт исследует ее неоднозначный образ и предлагает новый взгляд на одну из самых оклеветанных, но в то же время самых могущественных женщин античного мира.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-389-27482-2

© Jane Draycott, 2025

© Медведев К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

О римских именах

В период Поздней республики (около 133–31 годов до н. э.) римские традиции имяназвания оставались практически неизменными. Римские граждане мужского пола носили либо три имени — *praenomen*, *nomen* и *cognomen* (например, Гай Юлий Цезарь), либо два имени — *praenomen* и *nomen* (например, Марк Антоний). В зависимости от обстоятельств политической или военной карьеры и жизненных обстоятельств в целом они могли добавить к этому первоначальному перечню одно или несколько имен. Если римский полководец добивался успеха на войне, он мог получить дополнительный когномен, отражающий этот факт. Большинство когноменов были географическими, связанными с покоренными народами. Так, Публий Корнелий Сципион стал Публием Корнелием Сципионом Африканским после победы над Ганнибалом Баркой в битве при Заме в 202 году до н. э. во время Второй Пунической войны. Однако Гней Помпей стал Гнеем Помпеем Магном («Великим») в подражание Александру Македонскому: этот когномен отразил его беспрецедентную военную доблесть, проявленную в относительно раннем возрасте. Кроме того, римлянин мог по собственной воле сменить имя: например, Публий Клавдий Пульхр стал из

Клавдия Клодием (возможно, это изменение соответствовало альтернативному латинскому произношению, которое считалось более модным в его изысканном кругу, — по крайней мере, одна из его сестер также сменила имя с Клавдии на Клодию). Если римлянина усыновляла другая семья, он полностью менял свое имя (это могло произойти и в детстве, но, в отличие от современной практики, как правило, случалось во взрослом возрасте, когда человек уже мог доказать, что является достойным пополнением семьи). Цезарь оставил завещание, в котором усыновил своего внучатого племянника Гая Октавия Фурина и сделал его своим главным наследником, что побудило юношу сменить имя на Гай Юлий Цезарь Октавиан. Однако впоследствии он предпочел не использовать когномен Октавиан, желая как можно теснее ассоциировать себя с Цезарем, тем самым укрепляя личную репутацию и авторитет.

Первенцу обычно давали то же имя, что носил его отец. Так, Марк Антоний Критский (личное прозвище отсылало к деяниям, совершенным им на Крите, и не использовалось потомками) назвал своего старшего сына Марком Антонием, а последующих сыновей — Луцием Антонием и Гаем Антонием. Дочери также получали в качестве номена вариант отцовского имени. Это означало, что семья, где было несколько дочерей, должна была как-то их различать. Так, дочери Сервилии и Децима Юния Силана получили имена Юния Прима (Первая), Юния Секунда (Вторая) и Юния Терция (Третья), а дочери Октавии и Гая Клавдия Марцелла — Клавдия Марцелла Старшая (Major) и Клавдия Марцелла Младшая (Minor). Другой способ различать сестер, когда они становились взрослыми женщинами, заключался в том, чтобы называть их по имени мужчины, за которого они вышли замуж, или, по крайней мере, по имени семьи, с которой они породнились. Так, старшая из трех дочерей Аппия Клавдия Пульхра, выйдя

замуж за Квинта Цецилия Метелла, стала Клодией Метеллой («Клодией, супругой Метелла»), а ее младшая сестра, вышедшая за Луция Лициния Лукулла, стала Клодией Лукуллой («Клодией, супругой Лукулла»).

Когда речь заходит о современных авторах, пишущих о римском периоде, ситуация усложняется. Англизация (по крайней мере, у современных англоязычных авторов; у пишущих на других языках есть собственные практики и предпочтения) греческих и латинских имен вполне ожидаема и применяется достаточно последовательно: например, Клеопатру (Κλεοπάτρα) обычно (хотя и не всегда) называют Cleopatra. Однако модернизация греческих и латинских имен довольно разнообразна: например, Марка Антония могут называть Марком Антонием, или Антониусом, или Марком, или даже просто Антонием — в зависимости от предпочтений писателя. Других римлян могут называть по имени (например, Публий Клодий Пульхр становится Клодием, а Гай Кассий Лонгин — Кассием) или по когномену (так, например, Марк Юний Брут становится Брутом, а Марк Эмилий Лепид — Лепидом). Кроме того, по разным причинам некоторые современные авторы предпочитают называть римлян именами, под которыми они никогда не были известны в древности. С исторической точки зрения это может быть как сомнительным решением (если, например, называть Фульвию Фульвией Флаккой Бамбулией в попытке связать ее с ранее известными республиканскими историческими фигурами, несмотря на отсутствие доказательств того, что она действительно была с ними связана), так и вполне обоснованным (например, называть Гая Октавия Турина / Гая Юлия Цезаря Октавиана Октавианом, чтобы отличить его от его родного отца Гая Октавия, а также от приемного отца Цезаря, вплоть до того момента, когда он принял имя Август — «Священный»).

Для краткости, как и из других соображений, я стараюсь при первом появлении называть упоминаемых римлян их полными именами, в дальнейшем пользуясь их наиболее распространенной (и, надеюсь, знакомой читателю) современной формой. Однако есть несколько исключений из этого правила. Во-первых, когда речь идет о детях Фульвии. Ее первый и второй сыновья были названы в честь своих отцов (Публий Клавдий/Клодий Пульхр и Гай Скрибоний Курион), но, говоря об их детстве, я называю их Публием-младшим и Гаем-младшим, чтобы отличить их от отцов и подчеркнуть их крайнюю молодость. Третьего сына я называю Антиллом, а четвертого — Юлом. Ее дочь я называю Клавдией, а не Клодией, чтобы отличить от ее снискавшей дурную славу тетки. Во-вторых, когда речь идет о римлянине Гае Октавии Фурине, я называю его Октавианом на протяжении всей книги, даже говоря о его жизни после того, как он принял имя Август, став императором в 27 году до н. э., поскольку на протяжении всей книги прыгаю назад и вперед во времени, чтобы провести связи и подчеркнуть отношения между людьми, событиями и обстоятельствами.

Надеюсь, вы отнесетесь к этому с пониманием.

Введение

Из всех неудачных лет, предшествовавших окончательному падению Римской республики (а их было немало), 52 год до н. э. начался особенно тревожно. Римляне искренне верили, что бывают несчастливые дни, поэтому, если таковым оказывался первый день года, весь год обещал стать неудачным [1]. И действительно, начались зловещие предзнаменования, указывавшие, что дела вот-вот пойдут еще хуже [2]. Сначала в Риме увидели и поймали сову. Нам этот факт может показаться вполне безобидным, хотя и жутковатым, но у римлян сова ассоциировалась с ведьмами-детоубийцами, известными как стриги (*striges*), которые пьют кровь и занимаются каннибализмом, а ее уханье считалось сигналом приближающейся смерти [3]. Во-вторых, культовая статуя бога Марса начала исходить потом, который лился с нее целых три дня [4]. Это был несомненный признак того, что божество гневается, — хуже было бы, только окажись пот кровавым. В-третьих, по небу пронесся метеор. Как и крик совы, это часто считалось знаком приближающейся смерти или еще какого-либо несчастья. Наконец, в сопровождении раскатов грома шли дожди из комьев земли, камней, глиняных черепков и крови — явные признаки того, что боги с небес

пытаются сообщить что-то смертным. Но что именно? И слушал ли их кто-нибудь? В такой зловещей обстановке сенат, возможно, совершил ошибку, проголосовав за снос храмов египетских богов Сераписа и Исида в Риме: это только усилило чувство тревоги.

Столь лихорадочная атмосфера суеверий и страха углублялась еще и тем, что из-за махинаций на выборах, взяточничества и коррупции к 1 января, вопреки обыкновению, не были назначены консулы. Соответствующие должности, высшие магистратуры Рима, оставались вакантными до июля, когда должны были выбрать консулов на следующий год. Все сходились во мнении: должно произойти нечто ужасное.

18 января сенатор по имени Публий Клодий Пульхр ехал по Аппиевой дороге в Рим, возвращаясь из двухдневной поездки в Арицию (современная Аричча), древний город в Альбанских горах к юго-востоку от Рима. Его сопровождали трое друзей и надежная, по его мнению, охрана: 30 рабов, вооруженных мечами [5]. Поздно вечером путники добрались до древнего города Бовиллы (современный Фраттоккье), где у них на пути лежало святилище Доброй богини (Bona Dea). С этой богиней у Клодия была связана своя история: еще в 62 году до н. э. его обвинили в неуважении к ней после того, как однажды вечером он помешал совершению священных обрядов, к которым допускались лишь женщины. В итоге он попал под суд за святотатство, хотя и был оправдан. Именно возле этого святилища Клодий и его свита неожиданно столкнулись с человеком по имени Тит Анний Милон, коллегой Клодия по сенату, его политическим соперником и одним из многочисленных врагов. Милон направлялся на юг, на свою виллу в Ланувии (современный Ланувио), в сопровождении жены Фавсты Корнелии, нескольких друзей и собственных многочисленных

невольников-телохранителей — их, вероятно, было около 300 человек. У его жены также имелась свита, состоявшая из певиц, служанок и молодых рабов [6]. Среди телохранителей Милона было несколько устрашающих гладиаторов, в первую очередь Евдам и Биррия: на арене эти двое были настолько смертоносны, что широко прославились [7].

Когда компании поравнялись, мужчины из обеих свит начали задирать своих противников. Токсичная маскулинность в Древнем Риме не слишком отличалась от современной, поэтому события быстро переросли в то, что позже назовут битвой при Бовиллах. Цицерон подробно осветил эту битву в своей, пожалуй, самой известной речи «В защиту Милона» (*Pro Milone*), написанной и произнесенной несколько месяцев спустя. Через 100 лет историк Асконий написал подробный комментарий к этой речи, сообщив важнейшие сведения, которые Цицерон решил опустить, сосредоточившись на обвинении своего врага Клодия и оправдании своего друга Милона. В кровавом хаосе битвы гладиатор Биррия пустил в дело ромфею (ῥομφαία) — фракийское клинковое оружие, похожее на копье или дротик, — и ранил Клодия в плечо. В поисках убежища и медицинской помощи Клодий с друзьями ретировался к ближайшему трактиру, а незадачливым рабам пришлось прикрывать их отступление. К несчастью для Клодия, бойцы Милона быстро одолели арьергард, состоявший из невольников. В этот момент Милон, по-видимому, решил, что надо идти ва-банк: мертвый Клодий был явно предпочтительнее Клодия живого, который наверняка решил бы отомстить [8].

Милон приказал убить Клодия, и его приближенный Марк Савфей с радостью подчинился: он выволок Клодия из трактира, сорвал с его пальца золотое сенаторское кольцо и оставил истекать кровью посреди дороги, которую три века назад построил предок убитого, Аппий

Клавдий Цеций, в окружении фамильных гробниц [9]. Отряд Милона как ни в чем не бывало продолжил путь в Ланувий, напоследок вдавив Клодия в мостовую колесами повозки и копытами лошадей. Спустя некоторое время Секст Тедий, сенатор, случайно проезжавший мимо, обнаружил труп и приказал своим слугам на носилках принести его в знаменитый своей благоустроенностью дом Клодия на спуске Победы (Clivus Victoriae), что на северо-западном склоне Палатинского холма, в самом центре Рима. Здесь жена Клодия Фульвия с нетерпением ожидала возвращения мужа из деловой поездки.

Если бы Фульвия придерживалась общественных условностей, то, будучи наиболее тесно связанной с убитым женщиной, той, кого мы сегодня назвали бы ближайшей родственницей, она приказала бы перенести тело Клодия в дом, а затем проследила бы за подготовкой к кремации: тело омыли бы теплой водой, умастили ароматическими маслами, одели в лучшую белую шерстяную тогу и украсили цветами, символизирующими хрупкость жизни, а в рот положили бы монету, чтобы заплатить паромщику Харону за путешествие через реку Стикс в подземный мир. Далее она проследила бы за тем, чтобы тело со всеми знаками отличия было уложено на погребальные носилки в центре атриума, в окружении бюстов выдающихся предков, которых у Клодия было немало. На прощании ожидалась бы члены семьи покойного, его друзья, знакомые и многочисленные преданные сторонники среди городского плебса — простого народа. Наконец, она должна была снять гипсовый слепок с лица убитого, чтобы в будущем облегчить изготовление посмертной маски и портретов.

Однако Фульвия поступила совершенно неожиданным образом: она решила немедленно отомстить убийцам своего мужа [10]. Вдова стала подстрекать толпу

зевак — плебеев и рабов, собравшихся на улице, — распахнула двери и пригласила всех войти; возможно, впервые в истории люди столь низкого звания оказались в таком роскошном римском доме [11]. Затем она раздела донага мертвого мужа и продемонстрировала, насколько тяжки его кровавые раны. Разъяренная толпа, подстрекаемая несколькими друзьями Клодия, которые ненавидели Милона так же сильно, как и покойный, подняла тело сенатора и пронесла его по склону Палатинского холма, по Священному пути на Форум. Произошло нечто полностью противоположное традиционной римской погребальной процессии, которая в обычных обстоятельствах проводилась по строгим правилам и в соответствии с ритуалом; именно такую процессию мы можем видеть на рельефе середины — конца I века до н. э. из Амитерна (современный Абранццо) в Италии [12]. Обычно между проводившими похороны аристократами, которые произносили речи в память покойного, надевали маски предков и восседали на стульях из слоновой кости, и зрителями или зевачами простого звания существовала строгая граница; в этот раз ее не было вовсе. Позже Цицерон обвинит Секста Клелия, соратника Клодия, в том, что тот лишил

Рельеф с изображением римской погребальной процессии, приблизительно конец I века до н. э. — начало I века н. э.

сенатора приличествующих аристократу похорон, оставив его разлагающийся труп на растерзание бродячим собакам [13]. В истории уже бывали прецеденты, когда популярны (и не чуждые популизма) герои умирали при загадочных обстоятельствах: например, в 133 году до н. э. безымянный друг Тиберия Гракха был, как считалось, отравлен сенатом, и его покрытое нарывами тело толпа подхватила и отнесла на Форум, совершив таким образом политический жест [14].

Те, кто верховодил толпой, выставили обезображенное тело Клодия на обозрение еще большего числа людей на рострах, трибуне для ораторов неподалеку от каменного льва, который, как считалось, охранял могилу Фаустула, приемного отца основателя и первого царя Рима, Ромула, и его брата-близнеца Рема, а также статуй героев, либо погибших на службе Риму, либо проявивших образцовую доблесть [15]. Им это, несомненно, казалось уместным, хотя многочисленные враги Клодия думали иначе. Наконец, они разместили труп в Гостилиевой курии, то есть в здании сената, и там в порыве ярости соорудили погребальный костер из скамеек, столов и публичных записей. На этом костре сгорело не только тело Клодия — незаконная и кощунственная кремация, так как тела следовало предавать огню вовсе не здесь, а за пределами *померия* (*pomerium*), священной границы города, — но и само здание сената, а также часть располагавшейся по соседству Порциевой базилики, которую использовали для юридических и финансовых дел. Пострадали не только здания: был полностью уничтожен самый ранний образец римской публичной живописи, изображение Марка Валерия Максима Мессалы, разгромившего Гиерона и его карфагенскую армию на Сицилии в 264 году до н. э., написанное год спустя на внешней западной стене здания сената. Погибла в огне и древняя статуя Атта Навия, знаменитого

авгура царя Тарквиния Приска, стоявшая у здания сената [16]. Дымящийся кратер несколько месяцев оставался в центре древнего города [17]. По всей видимости, предзнаменования оказались верными, и наступило в высшей степени мрачное будущее.

* * *

Фульвия родилась примерно в 80 году до н. э. в атмосфере богатства, привилегий и престижа, но в ней самой не было ничего особенного — она не была богиней, святой, императрицей, царицей или хотя бы царевной. От сверстниц она отличалась скорее своими поступками. Лично меня восхищает в ней то, что ей явно было недостаточно обычной участи знатной римлянки, которой, как говорят нам источники, составленные преимущественно мужчинами, надлежало быть застенчивой, покладистой женой и матерью, молчаливой помощницей мужа и сыновей. Женщины, подобные Фульвии, редко встречаются нам в древнеримских источниках.

Почти на каждом этапе своей жизни она сталкивалась с необычайными трудностями и переживала тяжелейшие неудачи, поэтому искушение тихо сдаться, согласиться с мнением окружающих наверняка было очень велико. Но еще больше потрясает тот факт, что по крайней мере некоторое время она сохраняла стойкость и преуспевала в своих начинаниях, несмотря на все препоны, которые могло ставить ей патриархальное и шовинистическое римское общество. Обеспечив себе высокое социальное положение с помощью стратегических брачных союзов, в которые она вступала на протяжении двух десятилетий в период падения республики, к моменту своей смерти в 40 году до н. э. Фульвия достигла невиданного для женщины той эпохи политического и военного могущества.

Она так прославилась, что, подобно Шер, Мадонне или Зендее в наши дни, стала известна современникам и потомкам под единственным именем: Фульвия. Узнав о ней, я решила выяснить, как же она добилась этого в патриархальном обществе, где даже самые высокопоставленные женщины были далеки от кормила власти просто в силу своего пола.

Успех Фульвии дорого обошелся не только ей самой, но и ее семье. Она заключила три выгодных брака с мужчинами, находившимися на пике своей политической и военной карьеры, но все эти союзы оказались скоротечными, а мужья прожили недолго. Как мы только что видели, первый муж Фульвии, Публий Клодий Пульхр, был зверски убит в дороге. Второй, Гай Скрибоний Курион, пал в бою вдаль от дома, в Северной Африке, а над его телом надругался предводитель вражеского войска. Третий муж, Марк Антоний, открыто и бесстыдно изменял ей со многими женщинами, наиболее известной из которых была Клеопатра, царица Египта. Их брак закончился тем, что Марк Антоний бросил жену на смертном одре из соображений самосохранения и дипломатии, тогда как она вступила в войну с его соперником в Италии, чтобы защитить интересы мужа, прохладившегося в Египте и крутившего там роман. Фульвия родила пятерых детей, но троих из них ждала жестокая гибель: один был казнен, другой убит, а еще одного вынудили совершить самоубийство.

Фульвию неоднократно публично поносили перед сенатом и всем римским обществом за то, что она осмелилась выйти за пределы домашней сферы. В результате этого намеренного и систематического очернения репутации обвинения, выдвинутые против нее, пережили два тысячелетия, тогда как ответные аргументы в основном забылись. Подозреваю, что большинство женщин, живущих в якобы просвещенном XXI веке, вполне могут

узнать себя в этой ситуации [18]. Меня не удивляет, что известные женщины — от политиков до активисток, от королевских особ до ученых и знаменитостей — подвергаются публичному осуждению за то, что осмелились нарушить общепринятые нормы, и вынуждены отчаянно бороться даже за минимальное право распоряжаться своим телом.

О Фульвии мы имеем больше литературных, документальных и археологических свидетельств, чем о любой другой римлянке времен Поздней республики. Казалось бы, реконструкция ее жизни не должна представлять сложностей. Проблема, однако, в том, что большая часть этих свидетельств крайне недоброжелательна. Почти все, кто писал о Фульвии при жизни или сразу после смерти, относились к ней очень враждебно. Самый выдающийся оратор эпохи, Цицерон, называл ее «женщиной необыкновененно алчной», «женщиной столь же жестокой, сколь и жадной» [19]. Более поздние авторы взяли эти характеристики и еще больше сгустили краски, добавив пикантные детали, которые могут быть правдой, а могут быть крайними преувеличениями, призванными разозлить читателя или пощекотать его нервы. Через 70 лет после смерти Фульвии историк Веллей Патеркул написал, что она «не имела в себе ничего женского, кроме пола», а еще через несколько десятилетий биограф Антония Плутарх уточнил, что она была «женщиной, на уме у которой была не пряжа и не забота о доме», но которой «хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником» [20]. Фульвию характеризовали как женщину алчную — вожделевшую чужих богатств и имущества, жестокую — наблюдавшую за телесными наказаниями солдат, кровопийцу — приказывавшую казнить своих врагов, и изуверку — глумившуюся над трупами. Ее обвиняли в том, что она использовала своих детей,

чтобы добиться расположения плебса. Даже подробности ее сексуальной жизни подвергались публичному разбору: ее обвиняли в прелюбодеянии и проституции, всех трех ее мужей — в гомосексуальных связях, что, по сути, означало, что все четверо обменивались сексуальными партнерами.

В попытке найти хоть какое-то подобие правды мне пришлось деконструировать портрет Фульвии, критически подойдя к античным свидетельствам, читая между строк и предлагая альтернативную интерпретацию, а не просто предполагая худшее, как это сделал бы древний римлянин. Критика в адрес Фульвии представляет собой стандартные обвинения, появляющиеся в римских инвективах, обличающих женщин, нарушающих установленные границы. Один из современных Фульвии и весьма уместных здесь примеров — нападки на ее золовку Клодию Метеллу со стороны Цицерона в его речи «В защиту Целия» (*Pro Caelio*), произнесенной 4 апреля 56 года до н. э. [21]. Поскольку эта речь была произнесена в попытке склонить присяжных к оправданию Марка Целия Руфа, протеже Цицерона, обвинявшегося в *vis* (политическое насилие, в данном случае подразумевающее целый ряд неблагоприятных действий, включая гражданские беспорядки, нападения, порчу имущества), перед нами одно из ранних использований стратегии DARVO, когда «определенный вид возмущенного, лицемерного и нарочитого отрицания может на самом деле указывать на вину» [22]. Современные читатели, несомненно, узнают такую манеру критиковать, поскольку сегодня в публичной сфере женщины продолжают подвергаться подобным нападкам: вспомните бесчисленные теории заговора, которые продолжают циркулировать вокруг Хиллари Родэм Клинтон и многие из которых носят весьма сексуализированный характер. И все же удивляет количество изливаемого

на Фульвию яда. Что же в ней было такого особенного, что она до такой степени разгневала не только современников, но и их потомков?

Женоненавистничество, объектом которого стала Фульвия, — гибкий, избирательный, удобный инструмент, часть более широкой тактики разрушения репутации, которую римляне часто использовали против своих политических врагов: если вы хотели одержать верх в устном или письменном общении с соперником, самый быстрый способ сделать это — унижить его, тем или иным образом бросив тень на его мужественность. В ход шло все, что подворачивалось под руку, а потому репутация Фульвии стала разменной монетой в пропагандистской войне между Антонием и Октавианом, бушевавшей в Древнем Средиземноморье в конце 40-х — начале 30-х годов до н. э., когда оба пытались очернить противника и подорвать его позиции в борьбе за то, кто сменит Гая Юлия Цезаря в качестве единственного повелителя римского мира. После смерти Фульвия была заменена — во всех смыслах — Клеопатрой и превратилась лишь в примечание к биографии своего третьего мужа, причем Плутарх позволил себе следуюшую ремарку: «Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин» [23].

Да, вполне возможно, что Фульвия была виновна во всем, в чем обвиняли ее древнеримские критики: в расчетливости и манипуляциях, в жестокости и склонности к насилию, в зависти и стяжательстве. Но даже и тогда мотивы ее поступков, скорее всего, были более сложными, неоднозначными, а может, и у самих поступков было гораздо больше оснований, чем принято считать. Работая над этой книгой, я приложила немало усилий, чтобы попытаться

правдоподобным образом воссоздать или реконструировать действия нашей героини.

У нас нет точных дат рождения и смерти Фульвии, в отличие от многих других исторических личностей, и, хотя мы знаем, что она трижды выходила замуж и родила пятерых детей, — а это, в общем, самые важные и значимые поступки, которые могла совершить римлянка, — нам неизвестно, когда именно это произошло. Несмотря на то что многие представители римской элиты писали (или хотя бы пытались писать) стихи, у нас нет ни автобиографических, ни даже полуавтобиографических стихов Фульвии, вроде тех, что выходили из-под пера ее современницы Сульпиции, рассказывавшей о любви к Калену [24]. У нас нет описаний жизни Фульвии от первого лица, в которых она сама объясняла бы и оправдывала свои действия. Нам известен только один рассказ такого рода, написанный женщиной в античности: это мемуары Агриппины Младшей, правнучки императора Августа, жены императора Клавдия и матери императора Нерона [25].

Эти мемуары наверняка представляли собой увлекательное чтение и использовались в качестве источника многими древними авторами, но в сохранившейся до наших дней античной литературе на данный момент обнаружено только два фрагмента из них. Первый — в «Анналах» Тацита (в нем мать Агриппины умоляет императора Тиберия разрешить ей снова выйти замуж после преждевременной смерти ее мужа, отца Агриппины), а второй — в «Естественной истории» Плиния Старшего (в нем рассказывается о том, что Нерон родился ножками вперед), но по какой-то причине само произведение до нас не дошло, что весьма обидно [26]. Однако ни один древний автор не упоминает о том, чтобы Фульвия писала нечто подобное; она, как говорится, нема как могила, поэтому в ее уста нередко вкладывают чужие слова.

При этом мы располагаем подробными и яркими описаниями нескольких эпизодов из жизни Фульвии [27]. Мнения античных авторов, даже тех, кто был современником Фульвии и писал о ее поступках непосредственно в момент их совершения, похоже, сильно расходились. Даже конкретный автор мог значительно менять свою точку зрения от произведения к произведению и от жанра к жанру: например, Цицерон, писавший о Фульвии в течение примерно 10 лет, с 53 по 43 год до н. э., сначала делал это во вполне нейтральном тоне, но постепенно становился все враждебнее как в своих публичных речах, так и в частных письмах (которые после его смерти собрал, обработал и опубликовал его секретарь Тирон). Древние авторы опирались на труды своих предшественников: писавший в III веке н. э. историк Кассий Дион опирался на более чем двухвековую традицию недоброжелательных сообщений о деяниях Фульвии; к этому времени в нашем распоряжении оказываются самые яркие ее портреты. Фульвия — палимпсест, состоящий из множества наслаивающихся друг на друга древних литературных, документальных и нумизматических свидетельств. Но Фульвия — это еще и тест Роршаха. Складывается впечатление, что научные работы филологов-классиков и историков Античности, еще 20 лет назад относительно редкие, различаются в своих интерпретациях почти так же сильно, как и те, что были написаны два тысячелетия назад; при этом ученые рисуют собственные образы [28]. Они весьма разнообразны: от превознесения Фульвии как главной движущей силы и вдохновительницы своего круга, «первой царевны Рима» и «пропавшей императрицы», предшественницы императриц имперского периода, до пренебрежительного к ней отношения как к совершенно неважной, чуть ли не выдуманной героине. Причем оптимистически настроенные историки приписывают ей гораздо большее

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Дрейкотт Джейн
ФУЛЬВИЯ
Женщина, бросившая вызов Древнему Риму

Ответственный редактор *Марьяна Терехова*

Редактор *Илона Якимова*

Художественный редактор *Ольга Жукова*

Технический редактор *Лидия Сеницына*

Корректоры *Елена Шичкова, Дарья Журавлева*

Верстка *Натали Шармай*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Павла Сведомского «Фульвия с головой Цицерона», 1898 г.,
из собрания Переславского музея-заповедника.*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.09.2026. Формат 60×88 1/16.

Гарнитура PF Centro Serif Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,58. Тираж 2000 экз. М-FEM-36490-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

